

Subject: КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ->ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ->ГЛАВА 13
Attachments: text13.htm, primtext13.htm

Ваш браузер не поддерживает фреймы.

Восточная Литература

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

[Главная](#) [А](#) [Б](#) [В](#) [Г](#) [Д](#) [Е](#) [Ж](#) [З](#) [И](#) [Й](#) [К](#) [Л](#) [М](#) [Н](#) [О](#) [П](#) [Р](#) [С](#) [Т](#) [У](#) [Ф](#) [Х](#) [Ц](#) [Ч](#) [Ш](#) [Э](#) [Ю](#)
[Я](#) [Документы](#)

Ввиду большого объема комментариев их можно посмотреть [здесь](#) (открываются в новом окне)

13. *О народах, соседствующих с турками* [1](#)

[Знай], что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них [2](#) — Франгия [3](#), с северной — пачинакиты [4](#), а с южной — ... Великая Моравия [5](#), т.е. страна Сфендоплока [6](#), которая совершенно уничтожена этими самими турками и захвачена ими [7](#). Хорваты же соседят с турками у гор [8](#).

[Знай], что пачинакиты могут также нападать на турок, сильно разорять их и вредить им, как уже было сказано выше в главе о пачинакитах [9](#). **[55]**

Обрати [10](#), сын, очи разума твоего на слова мои, познай, что я велю тебе, и ты со временем, будто из отцовских сокровищниц, сможешь извлекать богатства благоразумия и источать аромат мудрости. Итак, знай, что у всех северных народов стала как бы прирожденной жадность к деньгам и ненасытность, никогда не удовлетворяемая [11](#). Посему она требует всего, всего домогается и не имеет четких границ своим желаниям, но вечно жаждет большего и взамен скромной пользы стремится извлечь великую корысть [12](#). Поэтому должно неуместные их домогательства и наглые притязания отклонять [13](#) и пресекать правдоподобными и разумными речами, мудрыми оправданиями, которые, как мы смогли постичь на опыте [14](#), могут быть вот какими [15](#).

Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары [16](#), либо турки [17](#), либо также росы [18](#), или какой иной народ из северных и скифских [19](#) — а подобное случается частенько — послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов [20](#), или из мантий ради какой-либо их службы и услуги, тебе нужно отвечать так: "Эти мантии и венцы (а венцы у вас называются камелавкиями [21](#)) изготовлены не людьми, не человеческим искусством измышлены и сработаны [22](#), но, как мы находим запечатленным словами заповедными в древней истории, когда бог сделал василевсом Константина Великого [23](#), первого царствующего христианина, он послал ему через ангела эти мантии и венцы, которые вы называете камелавкиями, и повелел ему положить их в великой божьей святой церкви, которая именем самой истинной мудрости божьей святою Софией нарекается [24](#), и не

каждый день облачаться в них, но когда случается всенародный великий господний праздник. Из-за этого-то божьего повеления он убрал их; они повешены над святым престолом в алтаре этого самого храма и явились украшением церкви. Прочие же царские одеяния и облачения разостланными положены поверх святого сего престола. Когда же наступает праздник господя бога нашего Иисуса Христа, патриарх берет из этих одеяний и венцов нужное и подходящее для случая и посылает василевсу, а тот надевает их, как раб и слуга божий [25](#), но только на время процессии, и вновь после использования возвращает их в церковь, и в ней сохраняются. Мало того, есть и заветное святого и великого василевса Константина, начертанное [\[57\]](#) на святом престоле божьей церкви [26](#), как повелел ему бог через ангела, что если захочет василевс ради какой-либо нужды или обстоятельства, либо нелепой прихоти забрать что-нибудь из них, чтобы употребить самому или подарить другим, то будет он предан анафеме и отлучен от церкви как противник и враг божьих повелений. Если же он вознамерится сам изготовить другое, подобное [этому], то пусть церковь заберет и это по требованию на сей счет всех архиереев и синклита [27](#). Не имеют права ни василевс, ни патриарх, ни кто-либо иной брать эти одеяния или венцы из святой божьей церкви. Великий страх да тяготеет над посягающими нарушить что-либо из сих божьих заповедей. Так, один из василевсов, по имени Лев, который взял себе жену из Хазарии [28](#), в припадке неразумной дерзости забрал один из этих венцов, когда не было господнего праздника, и без согласия патриарха надел его. Тотчас пали карбункулы на лоб его, и, муками от них изнуренный, он жалким образом лишился жизни, до времени найдя смерть [29](#). Поскольку кара за такую дерзость последовала столь быстро, с той поры стало правилом, что василевс, прежде чем будет коронован, клянется и заверяет [30](#), что он не дерзнет сделать или измыслить ничего противного до него установленному и с древних времен соблюдаемому [31](#). И тогда он венчается патриархом [32](#) и совершает и исполняет подобающее наступившему празднеству".

Должно, чтобы ты подобным же образом проявлял попечение и заботу о жидком огне [33](#), выбрасываемом через сифоны. Если кто-нибудь когда-нибудь дерзнет попросить и его, как многократно просили у нас, ты мог бы возразить и отказать в таких выражениях: "И в этом также [бог] через ангела просветил и наставил великого первого василевса-христианина, святого Константина [34](#). Одновременно он получил и великие наказания от сем от того ангела, как мы точно осведомлены отцами и дедами, чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют [35](#), — и никоим образом не в каком ином месте, а также чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен [его приготовлению]. Поэтому сей великий василевс, наставляя в этом своих преемников, приказал начертать на престоле церкви божьей проклятия, дабы дерзнувший дать огонь другому народу ни христианином не [\[59\]](#) почитался, ни достойным какой-либо чести или власти не признавался. А если он будет уличен в этом, тогда будет низвержен с поста, да будет проклят во веки веков, да станет притчею во языцех, будь то василевс, будь то патриарх, будь то любой иной человек, из повелевающих или из подчиненных, если он осмелится преступить сию заповедь [36](#). Было определено, чтобы все питающие рвение и страх божий отнеслись к сотворившему такое как к общему врагу и нарушителю великого сего наказания и постарались убить его, предав мерзкой [и] [37](#) тяжкой смерти. Случилось же некогда — ибо зло вечно выискивает местечко [38](#), — что один из наших стратигов [39](#), получив всевозможные дары от неких иноплеменников, передал им взамен частицу этого огня, но, поскольку бог не попустил оставить безнаказанным преступление, когда наглец вздумал войти в святую церковь божью, пал огонь с неба, пожрал и истребил его. С той поры великие страх и трепет обуяли души всех, и после этого никто более, ни василевс, ни архонт, ни частное лицо, ни стратиг, ни какой бы то ни было вообще человек, не дерзнули помыслить о чем-либо подобном, а тем более на деле попытаться исполнить либо совершить это" [40](#).

Но давай, впрочем, изменим тему. Разбери и узнай уместные и подходящие ответы на иной вид неразумных и нелепых домогательств [41](#). Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен [42](#) попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т.е. либо дочь его получить в [43](#) жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: "Об этом деле также страшное зачатие и нерушимый приказ великого и святого Константина [44](#) начертаны на священном престоле вселенской церкви христиан святой Софии: никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом [45](#), приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устройством, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками. Ибо для них одних сделал исключение сей великий муж святой Константин, так как и сам он вел род из тех краев, так что имели место частые браки и великое смешение меж франками и ромеями. Почему же только с ними одними он повелел заключать брачные сделки василевсам [\[61\]](#) ромеев? Да ради древней славы тех краев и благородства их родов. С иным же каким бы то ни было народом нельзя этого сделать [46](#); а дерзнувший совершить такое должен рассматриваться как нарушитель отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому — и предается анафеме. Выше было рассказано, как пресловутый ранее упомянутый василевс Лев незаконно и дерзко, вопреки согласию тогдашнего патриарха, взял и возложил венец — и немедленно был предан казни, достойной его дурного деяния. Осмелился он и эту заповедь святого того василевса, которую, как уже было рассказано, тот установил, начертав на святом престоле, счесть недостойной внимания, почитая ее ни во что, вследствие чего и поставил себя вне страха божия и заповедей его. Он заключил с хаганом Хазарии брачную сделку, взял его дочь в жены и навлек таким образом великий позор и на державу ромеев и на себя самого, ибо отменил обычаи предков и поставил их ни во что [47](#). Впрочем, он был не правоверным христианином, а еретиком и иконоборцем. Потому-то из-за сих его противозаконных нечестивых деяний он в божьей церкви постоянно отлучается и предается анафеме, как преступник и ниспровергатель повелений и бога, и святого великого василевса Константина [48](#). Как это можно подлинным христианам заключать с неверными [49](#) брачные союзы и вступать с ними в родство, когда канон это запрещает и вся церковь считает это чуждым и враждебным христианскому порядку? Или: кто из державных, благородных и мудрых василевсов ромеев допустил [это]?". А если [иноплеменники] возразят: "Но как же господин Роман василевс [50](#) породнился с булгарами, выдав собственную внучку за господина Петра, болгарина?" [51](#), — то следует ответить так: "Господин Роман василевс был простым и неграмотным человеком, не принадлежал ни к тем, кто с детства воспитан в царских дворцах, ни к тем, кто с самого начала следовал ромейским обычаям [52](#); он был не из царского и знатного рода, а поэтому он многое вершил деспотично и крайне самовластно, не повинуюсь при этом запретам церкви, не следуя заповедям и повелениям великого Константина. По разумению надменному и самовольному, добру неученому, следовать надлежавшему и хорошему [\[63\]](#) не желавшему, как и блюсти обычаи, от отцов переданные [53](#), он дерзнул сделать упомянутое, лишь тот предлог благовидный при этом выставив, что столь великое число пленных христиан благодаря этому деянию было освобождено [54](#), что булгары являются христианами и единоверцами нашими [55](#), а кроме того, что выданная была дочерью не самодержца и законного василевса, а третьего и последнего [среди них], еще подчиненного и ни к какой власти в делах царства не причастного [56](#). Да и нет здесь отличий: той или иной из царских родственниц она оказалась, из далеких или близких царскому благородству [она была], ради общепольного или какого иного дела [она выдана]; [и неважно, что] самого незначительного и не властвующего [она была дочерью]. Так как вопреки канону и церковной традиции, вопреки повелению и заповеди великого и святого василевса Константина он совершил это, поэтому еще при жизни

вышеназванный господин Роман был крайне ненавидим, порицаем и поносим и советом синклита, и всем народом, и самую церковь, так что ненависть [к нему] под конец стала явной и после смерти точно так же подвергали его презрению, обвинению и осуждению, введшего как новшество это недостойное и неподобающее для благородного государства ромеев дело" [57](#). Поскольку каждый народ имеет различные обычаи, разные законы и установления, он должен держаться своих порядков и союзы для смешения [58](#) жизней заключать и творить внутри одного и того же народа. Ибо подобно тому как любое живое существо вступает в сношения с ему едиnorodными [59](#), так и у каждого народа стало правилом вступать в брачные сожительства не с иноплеменниками и иноязычными, а с людьми того же рода и того же языка [60](#). Именно поэтому установилось и существует единомыслие друг с другом, взаимопонимание, дружеское общение и сожительство; чуждые же нравы и отличные узаконения обыкновенно порождают враждебность, ненависть и ссоры, что помогает возникновению не дружбы и единения, а вражды и раздоров. Ведь должно, чтобы желающие править по закону не соревновались в подражании дурно содеянному кем-либо по невежеству и самомнению, но держались славных дел тех, кто царствовал в согласии с законом и справедливостью, [чтобы] они имели пред собой благие образцы для примера и подражания и в соответствии с ними пытались и сами направлять все ими совершаемое. Поэтому из-за таких самовольных дел его — я имею в виду господина Романа — постигший [\[65\]](#) его конец является достаточным примером для вразумления того, кто пожелает подражать его дурным поступкам [61](#).

Нужно, однако, вместе с прочим знать тебе, сын возлюбленный, и то, что способно при осведомленности об этом во многом содействовать тебе в совершении достойных удивления дел. А именно — [знать] опять-таки о различиях меж другими народами, об их происхождении, нравах, образе жизни, расположении и климате населенной ими земли, об ее внешнем виде и протяженности, как далее будет поведано подробнее [62](#).

Комментарии

Название главы отражает содержание лишь начальной ее части (13.3-11), которая находится явно не на месте, как и вся предшествующая глава (чье место — в конце гл. 10). Композиционно отрывок о "турках" и их соседях связан с гл. 40, а замечание о печенегах как силе, способной угрожать "туркам", — с гл. 3, содержание которой оно попросту повторяет. Этот повтор сам по себе — ценное дополнительное свидетельство важности расчетов империи на союз с печенегами против других "северных варваров", а также серьезности опасений Константинополя перед возможными новыми набегами венгров ("турок") на владения империи (см. коммент. 7 к гл. 8). Весь этот пассаж если не написан самим Константином, то, несомненно, им самим отредактирован. Текст соответствующей этому пассажи заметки составлял, по всей вероятности, особый листок, отдельный от тех, в которых содержались материалы глав 1-8.

Ремарка о том, что печенеги способны нападать на "турок", сделана здесь самим Константином, как это явствует из его же замечания: "как уже было сказано выше в главе о пачинакитах". Д. Моравчик обращает внимание на то, что такое замечание не соответствует действительной композиции всей первой части труда: царственный автор говорит лишь об одной главе о печенегах, тогда как речь о них шла в восьми главах (DAI. II. P. 63). В связи с этим можно высказать несколько предположений об истории рукописи. Видимо, в момент составления (а отчасти и написания) комментируемого пассажа Константин предусматривал иное, более четкое распределение материала по главам в первой части. Данное место памятника подтверждает также идею Р. Дженкинза,

что существующие ныне титулы глав первой части (как и всех глав труда) уже имелись в виде названий разрозненных заметок и материалов, когда Константин приступил к работе над ними, а не были поздними маргинальными пометами на рукописи, впоследствии перенесенными в текст каким-то ее переписчиком; подтверждает этот пассаж и вывод о том, что основное содержание гл. 13 осталось не озаглавленным именно потому, что часть главы (13.12-200) была целиком написана Константином: никто не предоставлял ему здесь озаглавленных заметок, а император не считал нужным давать разделу особое наименование (DAI. II. P. 8). Можно предположить также, что заголовки черновых материалов (они-то и сохранились) — не результат творчества собирателей материала и составителей справок, а запись сюжетов, продиктованных Константином как задание, о чем писать, еще в самом начале работы над трактатом.

Дженкинз полагает, что пассаж 13.3-8 должен был составить, по мысли Константина, начало главы о "турках" (DAI. II. P. 8, 63). Нам это кажется маловероятным. Мы представляем себе работу над разделом о "турках" иначе. Скорее всего, сбор материала вели несколько человек. Справка о соседних с "турками" народах, составленная одним из исполнителей, была отвергнута другим, собравшим значительный материал для гл. 40 и в том числе по тому же вопросу — о соседях "турок" (DAI. 40.41-44). Отрывок 13. 3-18 оказался, таким образом, своего рода "дубликатом", которым Константин и распорядился по-своему, не слишком занимаясь поисками более стройной композиции.

Основное содержание гл. 13 представляет собой заключение к первой части труда, излагающее главные принципы имперской дипломатии, которым надлежит неукоснительно следовать в отношениях с "северными варварами". То, что в этом заключении речь идет лишь о них, недвусмысленно подчеркнуто дважды (см.: 13.14-15 и 13.24-25), поэтому нет необходимости специально доказывать, что Константин не имеет в виду ни сарацинов, ни западные народы (DAI. II. P. 63). Интереснее другое: о ком из этих "северных варваров" (печенегов, венгров, русских, болгар, сербов, узов, хазар) Константин ведет здесь речь прежде всего. По-видимому, следует сразу же исключить все кочевые народы (печенегов, узов, а также венгров, которых византийцы также считали номадами). Вряд ли имеет в виду Константин и сербов и болгар: они — христиане (а не "нечестивцы", о которых тут говорится), да и осведомлены о значении регалий императорской власти (рекомендации же Константина, как будет видно далее, рассчитаны на полное неведение "варваров" в этом вопросе). Мы полагаем поэтому, что в гл. 13 имеются в виду в первую очередь росы и хазары. (Правда, в "Жизнеописании Василия", своего деда, Константин говорит о крещении росов еще в 60-х годах IX в. Вероятно, однако, император знал, что этот акт не имел серьезных последствий: ни в трактате "Об управлении империей", ни в сочинении "О церемониях" нет и намека на то, что князь росов или их подданные были христианами. Стремясь основывать свои доверительные рекомендации на реальных фактах, Константин здесь, по нашему мнению, причислил росов к "нечестивым" северным народам.) При этом возможно, что, говоря о трех видах "неуместных домогательств" "варваров", Константин в каждом случае подразумевает прежде всего какой-либо один из названных им народов (например, требование передать "варварам" "жидкий огонь", употреблявшийся обычно в морском бою, могли, скорее всего, предъявлять росы, а не хазары).

Дженкинз считает весь "дипломатический раздел" наиболее поздней частью труда, датируя ее 952 г. (DAI. II. P. 7-8, 63). Очевидно, что часть гл. 13, заключающая "дипломатическое поучение" как обобщение всей первой части, написана позже глав 1 - 12. Но датировка ее 952 г. опирается лишь на гипотезу о завершении в этом году всего труда как подарка сыну Константина Роману ко дню его 14-летия (см. Предисловие). Такая датировка возможна, но она не доказана. Ясно одно: Константин опирался на свой личный опыт автократора, каковой он мог накопить лишь после низложения сыновей Романа I 27 января 945 г., а на приобретение этого опыта потребовался, разумеется, не один год. Другое важное обстоятельство: здесь Константин, судя по контексту, относит венгров к языческим народам, тогда как известно, что около середины X в. (в 948 г.)

вожди венгров Булчу (Вулцус) и Дьюла приняли — при участии самого Константина — христианство в Константинополе (см. коммент. 1 к гл. 3). Следовательно, 948 г. может действительно рассматриваться как *terminus ante quem* написания гл. 13, а саму ее, может быть, следует датировать концом 40-х — началом 50-х годов X в.

1 Отрывок о соседях "турок" до сих пор остается предметом споров. Местоположение каждого из соседних с венграми народов у Константина представляется мало соответствующим известным историческим фактам: если вопрос о "Франгии" и хорватах еще может найти сколько-нибудь удовлетворительное решение, то отнесение Великой Моравии к южным соседям венгров, а печенегов — к северным труднообъяснимо. Мало того, во время написания трактата Великой Моравии вообще уже не существовало: как сказано тут же в тексте несколькими строками ниже, это государство было разгромлено венграми.

Д. Моравчик полагает, что малокомпетентный автор данного фрагмента перепутал местоположение Великой Моравии с областью расселения южных мораван. Более убедительной представляется гипотеза Дженкинза. Он считает, что комментируемый отрывок был испорчен позднейшими переписчиками: была пропущена строка между артиклем *η* и словом *μεγαλη*, которая могла иметь примерно такой вид: *Χρῶβατια ην δε ποτε τοπος*, т.е. испорченное место должно было звучать: "а с южной — Хорватия. Местность же эта была некогда Великой Моравией..." и т.д. В обоснование такой точки зрения Дженкинз указывает на гл. 40.41-44, где четко южными соседями "турок" объявлены хорваты. Он разделяет давно высказанное мнение, что комментируемый здесь текст был основан на информации именно данного места гл. 40 (DAI. II. P. 7).

2 Буквально: "с более западной стороны" — Франгия, а "с более северной" — печенеги. Д. Моравчик разделяет мнение Г. Манойловича (Studije. Knj. 187. S. 116), что прилагательные в сравнительной степени *δυτικωτερον* и *βορειωτερον* следует понимать как "юго-запад" и "северо-восток" (DAI. II. P. 62). Но это, как мы увидим далее (см. коммент. 3-5 к гл. 13), не устраняет всех затруднений.

3 "Франгию" или "Франгии" Константин упоминает еще 17 раз. Он знает, что бывшая империя Карла Великого уже не составляет политического единства (см. подробнее коммент. 5 к гл. 26). Особо подчеркивает он также, что "Франгия", в которой правит Оттон I, — это, в сущности, "Саксия" (см.: 30.74 и коммент, 16 к гл. 30). Лиудпранд Кремонский писал, что под "франками" византийцы понимали "как латинян, так и немцев" (Liutpr. Legatio, 33). Однако было бы неосторожным усматривать в употреблении терминов "Франгия" и "франки" одинаковые закономерности, так как здесь иногда наблюдались существенные различия (ср.: Советы и рассказы. С. 584-585). В комментируемом пассаже во "Франгии" следует видеть, по нашему мнению, Восточно-Франкское королевство, с которым венгры пришли в прямое соприкосновение с момента своего поселения на Паннонской равнине (История Венгрии. М., 1971. Т. I. С. 104-105). В таком случае слово *δυτικωτερον* отнюдь не обязательно понимать как "юго-запад": владения этого королевства лежали прямо на западе и даже на северо-западе от венгров. В гл. 40 (40.43) параллелизм выражения *δυτικωτερον* — *βορειωτερον* отсутствует: о франках сказано, что они соседи "турок" *δυτικωτερον*, о печенегах же — что они соседи венгров *προς δε το βορειον*, т.е. прямо "на севере" (ср. употребление слов *δυτικωτερον* и *βορειωτερον* в 37.41-42). (Г.Л.)

Сведения о франках как западных соседях мадьяр могли содержаться в информации мадьяр, хотя сам этникон "франки" мадьярам в середине X в. был неизвестен. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что для обозначения франков мадьяры заимствовали их южнославянское обозначение "влах" ("власи") — мадьярское "олас": именно хорваты, говорившие на кайкавском и чакавском диалектах, и словенцы называли франков "власи" (Kniezsa I. A magyar nyelv. 360. 1.). (В.Ш.)

4 Таким образом, как северных соседей венгров Константин трижды вполне определенно указывает печенегов (ср. точно так же в 40.43). Однако это представляется сомнительным, тем более что здесь нет решительно никаких сведений о восточных соседях венгров, тогда как в гл. 40 этими соседями объявлены болгары, что, видимо, и соответствует действительности (см.: 5.8 и коммент. 4 к гл. 5). Во всяком случае, наука не располагает данными о каких-либо поселениях печенегов в конце IX-X в. к северу от венгров или даже о печенежских набегах на Паннонскую равнину через Северные Карпаты или в обход северных отрогов Карпат (*Diaconu P. Les Petchenegues. P. 13-21*). Мало того, нет сведений и о том, что печенеги после ухода венгров в Паннонию вообще где бы то ни было с ними соседствовали.

В связи со всем этим можно, на наш взгляд, высказать два предположения. 1. Эта часть информации о печенегах как соседях венгров восходит ко времени, когда венгры еще имели свой стан в Восточном Прикарпатье, т.е. до их ухода через Карпаты в Паннонию. Такая точка зрения уже высказывалась в литературе (DAI. II. P. 62). 2. Константин (или его соавтор), возможно, действительно полагает, что владения печенегов достигали северных границ мест расселения венгров. В самом деле, он указывает, что западные соседи венгров — франки, южные — предположим, хорваты, восточные (согласно гл. 40) — болгары. Но он же неоднократно и настойчиво подчеркивает, что венгров можно держать вдали от границ империи именно с помощью печенегов (см.: 3.4-5; 4.3-5; 4.9-11; 8.13-33 etc). И, говоря о соседях "турок" (должны же печенеги быть соседями венгров, чтобы нападать на них и держать их в страхе), автор отвел печенегам единственное остающееся "не занятым" на границе с Венгрией место — "север": видимо, район, прилегающий к северным отрогам Карпат. Не исключено, однако, еще одно толкование: Константин знал от печенегов, что они способны совершить на венгров нападение (пройти на Паннонскую равнину по северному берегу Дуная печенеги могли, как ранее — и гунны, и авары), но в его представлении для этого печенеги должны были быть соседями венгров. А раз так, то он и "искал" сопредельный район между теми и другими. Напомним, что и посол империи в Паннонию, к венграм, клирик Гавриил (см. гл. 8) считал возможным нападение венгров на печенегов. Следовательно, и последние могли нападать на первых. (*Г.Л.*) Имеется и еще одно объяснение: печенегов как своих северных соседей воспринимали сами мадьяры, поскольку для их обыденного сознания было характерно смещение частей света; информация же о мадьярах, переданная в трактате Константина, исходила от них самих. (*В.Ш.*)

5 Государство западных славян в бассейне Среднего Дуная, возникшее в конце VIII — начале IX в. и достигшее расцвета в 60-80-х годах IX в. Определение "Великая" в источниках, современных ей, не встречается. О гибели Великоморавской державы в начале X в. см. подробнее: DAI. 41 и коммент. 3-4 к гл. 41; DAI. 38 и коммент. 23 к гл. 38.

Жители Великой Моравии едва ли могли быть соседями венгров с юга. Принимая версию Р. Дженкинза о пропуске строки в этом месте (см. коммент. 1 к гл. 13), мы считаем, что и Константин видел в южных соседях венгров именно хорватов — обитателей Хорватского королевства; это подтверждает текст гл. 40, о котором уже говорилось выше. (*Г.Л.*)

Особенно важно сходство локализаций Великой Моравии в гл. 13 и 40, где она помещена западнее "Сермия" на Саве (совр. Сремска Митровица), т.е. также южнее областей первоначального расселения венгров в междуречье Дуная и Тисы и в Задунавье (южнее Дравы). По всей видимости, указанные сходные локализации содержались в известиях, полученных от различных представителей мадьяр и в разное время (в 927- 934 гг. от посла Гавриила и ок. 948 г. при дворе в Константинополе от венгерских вождей). Это говорит об относительной устойчивости обыденных воззрений мадьяр, полагавших, очевидно, что уничтоженная ими Великая Моравия располагалась южнее мест их обитания. А о том, где они находились в Среднем Подунавье, говорят данные археологии: из 350 мадьярских могильников и отдельных погребений конца IX — первой

половины X в. лишь 68 находятся в Задунавье, остальные — восточнее Дуная. В свою очередь 58 памятников Задунавья расположены относительно компактно в его северной и северо-восточной части — севернее озера Балатон и правого притока Дуная реки Шио (*Erdelyi I. Zur Frage der ethnischen Grenzen des landnehmenden Ungamtums // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1977. Bd. 6. S. 77, карта*). Таким образом, если учитывать только места обитания мадьяр в конце IX — начале X в. в Задунавье, то южнее этих мест оказываются расположенными значительные пространства Задунавья, не говоря уже о междуречье Дравы и Савы.

У мадьяр могло возникнуть впечатление о былой принадлежности этих территорий южнее Балатона и реки Шио Великоморавской державе: как свидетельствуют западные латиноязычные памятники (ММФН. I. P. 74, 96, 113-116; 119; III. P. 319), в 892-893 гг. и в первой половине 900 г. великоморавский князь контролировал территорию Задунавья фактически до Дравы, т.е. владел землями южнее тех районов северного и северо-восточного Задунавья, которые в первой половине X в. стали местом обитания мадьяр. О временном господстве князей Великой Моравии в южном Задунавье могли знать предводители мадьяр, которые в 895-898 гг. были заняты освоением земель Среднего Подунавья, расположенных восточнее Дуная. Весной 899 г. предводители мадьяр установили мирные и даже союзнические отношения с восточнофранкским королем Арнульфом, который направил пятитысячный отряд мадьяр в Италию. Из союзников великоморавских князей мадьяры превратились в врагов. Возвращался отряд мадьяр из Италии через южное Задунавье после июня 900 г., когда мадьяры опустошили "большую часть Паннонии" (ММФН. I. P. 127). Это не коснулось, естественно, севера и северо-востока Задунавья, где поселилась с весны 899 г. по лето 900 г. та часть мадьярской этносоциальной общности, которая не осталась восточнее Дуная. Тогда началось освоение мадьярами районов, лежащих севернее областей, попадавших временами под контроль великоморавских князей. Возвратившийся из Италии в южное Задунавье отряд мадьяр столкнулся здесь с отрядами великоморавского князя, который рассматривал мадьяр как союзников Арнульфа и, следовательно, как своих врагов. Мадьярское предание сохранило память об этом столкновении с мораванами в Паннонии (SRA. I. P. 164, 281). Отсюда и информация Константина, полученная от венгров, о Великой Моравии как их южной соседке. (*В.Ш.*)

6 Речь идет о князе Святополке, наиболее выдающемся из правителей Великоморавского государства (871-894).

7 Об истории утверждения "турок" — венгров на Паннонской равнине и об их столкновениях с Великой Моравией см. подробнее: DAI. 38, 40 и коммент. к этим главам.

8 В исправном протографе сочинения южными соседями венгров были названы, скорее всего, хорваты, причем обитатели именно Хорватского королевства. Д. Моравчик, игнорируя вопрос о реальных южных соседях венгров, полагает, что хорваты, которые "соседей с турками у гор", являются не южными, а «северными (т.е., как видно, "белыми") хорватами», действительно жившими в то время к северу от Паннонской равнины. Ученый ссылается при этом на труды Г. Фехера и Ф. Дворника (DAI. II. P. 63). Нам не представляется убедительной такая точка зрения. Во-первых, она находится в противоречии с данными гл. 40, 44, где хорваты названы южными соседями венгров. Во-вторых, Моравчик никак не объясняет, почему, по его мнению, Константин дважды говорит о соседях "с севера" (о печенегах, а затем о хорватах). Не исключено, что в данном случае под хорватами Константин понимает население Чешского княжества, не зная этнического наименования его подданных (а поэтому и именуя их "хорватами") (?). См. об этом коммент. 14-15 к гл. 30. (*Г.Л.*)

Контакты мадьяр с жителями приморской Хорватии (от побережья Адриатического моря до гор Капелла и от полуострова Истрия до города Сплита) к середине X в. несомненны (*Melich J. A honfoglalaskori Magyarorszag*). (*В.Ш.*)

9 О печенегах и их отношениях с венграми см.: DAI. I-8, 37 и коммент. к этим главам.

10 Здесь начинается не озаглавленное Константином его заключение к "дипломатическому" разделу. О стиле и идеях вступления к пассажи-заключению см. коммент. к Предисловию.

11 Почти в тех же выражениях о "жадности" скифов (т.е. росов) к деньгам говорит и младший современник Константина Лев Диакон (Leon. Diac. Hist. P. 77.4-10). Впрочем, это утверждение вполне традиционно для византийской историографии, по крайней мере с V-VI вв.

12 Константин имеет в виду разного рода (чаще всего военные) услуги, оказываемые Византии "северными народами", которые, как говорит император, требовали взамен непомерно высокой платы (ср. гл. 7).

13 Принимаем конъектуру Д. Моравчика: *αλοκροεσθα* вместо *ανακροεσθα* рукописи.

14 Важное указание на личный опыт дипломатической деятельности, который Константин VII практически мог накопить лишь в годы самостоятельного правления, начиная с 27 января 945 г.

15 Уже эта фраза свидетельствует о чисто "дипломатическом" ответе на домогательства "варваров", который отнюдь не обязательно должен основываться на аргументах, соответствующих истинному положению дел. Р. Дженкинз полагает, что император сознательно рекомендует сыну во всех трех случаях, когда правители "северных народов" потребуют от империи для себя каких-либо вещественных инсигний императорской власти, "греческого огня" или вступления в родство с правящей династией, обосновывать отказ им заведомо фиктивными ссылками на якобы непреложные нормы сакрального права и заветы Константина Великого (DAI. II, P. 63).

16 См. об этом гл. 10 и 11 и коммент. к ним.

17 См. об этом гл. 7, 8.

18 О росах см. гл. 2, 4, 8 и особенно 9 и коммент. к ней. Заметим, однако, что поскольку комментируемый пассаж написан самим Константином в конце 40-х — начале 50-х годов X в. и поскольку император излагает здесь собственный дипломатический опыт, постольку трудно допустить, что автор имеет в виду результаты встреч с русскими послами в Константинополе при заключении договора Игоря с греками: договор был заключен, как ясно сказано в самом этом документе, "в 6453 г.", в правление Романа I, Константина и Стефана, т.е. до 15 декабря 944 г. (даты низвержения Романа I). Тогда Константин VII не обладал еще никакой реальной властью и не мог принимать деятельного и ответственного участия в переговорах с русскими (см.: ПВЛ. Ч. 1. С. 33), хотя и мог при этом присутствовать (он подписал договор вслед за Романом I, третьей была подпись Стефана, сына Романа). Упомянув здесь росов, Константин имеет в виду собственный опыт общения с ними, накопленный с января 945 г. до начала 50-х годов, в частности опыт дипломатических сношений и личной встречи с княгиней Ольгой, если принимать в расчет отстаиваемую нами новую датировку ее поездки в Константинополь: не 957, а 946 г. (см.: *Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и "дары" императора // *Византийские очерки.* М., 1982. С. 71-92; *Он же.* Русско-византийские связи. С. 41-52).

19 "Скифскими" народами византийские авторы X в. называли зачастую болгар, русских, венгров, печенегов. Поскольку Константин особо выделил здесь росов, венгров и хазар, то под "иными северными и скифскими" народами могут подразумеваться печенеги и узы (см.: *Литаврин Г.Г.* Некоторые особенности. С. 211 и след.; ср. гл. 43).

20 Императорские одежды (не говоря уже о таких регалиях власти, как венец, скипетр и пр.) имели сакральное значение, в том числе их форма, материал и цвет. Так, употреблять ткани цвета пурпура как раз во время правления императоров Македонской династии под страхом смертной казни было запрещено всем подданным императора, светским и духовным; ткани этого цвета запрещено было продавать иностранцам и вывозить за границу (см.: Византийская книга епарха. VIII. N 1. С. 81 и коммент. на с. 183 и след). Лишение императора пурпурных одеяний означало отстранение его от власти, а облачение в них (например, узурпатора) указывало на фактическое обладание высшей властью или о претензиях на трон. Однако значительная часть нормативного императорского гардероба конституировалась еще в дохристианскую эпоху и имела отчасти персидское происхождение, так что дальнейшие ссылки Константина VII не на традицию и обычай, а на "божественное" происхождение одеяний — сознательная дипломатическая фикция (DAI. II. P. 63-64). Отмечая, что претензии "варварских" правителей северных стран на одеяния и инсигнии императорской власти носили престижный характер, Р. Дженкинз полагает, однако, что Константин VII прибегает к столь примитивной и, по существу, весьма не точной аргументации ("божественное происхождение", запрет Константина Великого) именно потому, что "варварам" были непонятны тонкости сложной и древней византийской доктрины императорской власти (DAI. II. P. 64). Но здесь уместно одно уточнение: аргументация Константина действительно примитивна, но что касается "варваров", то они, по нашему мнению, потому и предъявляли свои притязания на знаки имперского достоинства, что прекрасно понимали их значение, т.е. сознательно претендовали на уравнение их статуса при общении с византийским императором. По свидетельству Скилицы (Scyl. P. 237), венгерский вождь Булчу (Вулосудис) удостоился титула патрикия (см. о нем коммент. 17 к гл. 25). Следовательно, он получил и полагавшиеся носителю этого титула знаки отличия и одеяния. В таких случаях чужеземные архонты были осведомлены и о правах и значении указанного титула, как и о том, что хотя это титул первого класса, но лишь 7-й по разряду и что его носили многие византийские вельможи. Вполне вероятно поэтому, что архонты, сознавая свое положение государей, а не просто знатных лиц, могли предъявить тут же, в Константинополе, притязания на знаки царского достоинства, а не достоинства придворного вельможи империи.

21 Обычное при византийском дворе того времени обобщенное и обыденное наименование императорской короны — термин, не имеющий технически точного значения. По мнению Р. Дженкинза, фраза "венцы у вас называются камелавкиями" написана Константином — во избежание неясности или недоразумения — скорее для византийцев (для сына), чем для "варваров", поскольку "варвары" именовали просимую ими корону не "камелавкией", а "стеммой", хотя имели при этом в виду именно ту "камелавкию", которую тогда носил император (DAI. II. P. 64-65; *Piltz E. Kamelaukion et mitra. Insignes byzantins imperiaux et ecclesiastiques. Uppsala, 1977. P. 99 sq.*).

22 Вновь сознательная фальсификация, так как и одежды, и регалии императора как предметы не имели наследственного характера и не передавались от императора-предшественника к его преемнику: они и подновлялись, и целиком заменялись трудом ремесленников императорских мастерских.

23 Император Константин I Великий (324-337) принял крещение только перед смертью, так что, говоря о его воцарении по воле божьей, Константин VII следует позднейшей христианской традиции, а не историческим фактам. Около середины VIII в. в византийской официальной доктрине Константин Великий стал непревзойденным образцом повелителя империи, "идеальным государем", основателем Нового Рима и самой христианской державы (см.: *Чичуров И.С.* Место "Хронографии" Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — нач. IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1981 г. М., 1983. С. 64-138; *Он же.* Традиция. С. 95-100; *Он же.* Теория и практика византийской императорской пропаганды (поучение Василия I и эпитафия Льва VI) // ВВ. 1988. Т. 49). Эта идея имела в то время

господствующий характер в византийском обществе; какие-либо "заветы" и установления, приписываемые Константину, трактовались как имеющие непререкаемый авторитет. Эта идея прокламировалась и пропагандировалась византийцами и среди "варваров". Поэтому ссылки Константина VII на "заветы" Константина Великого — обычный для византийской литературы метод аргументации (по сути дела фиктивной) как наиболее верное средство для обоснования отказа правителям "варварских" народов в их домогательствах.

24 Имеется в виду св. София в Константинополе. Лишь незначительная часть императорских инсигний и одеяний хранилась в этом храме, в основном же — в царском вестиарии (гардеробе) и китоне (царской сокровищнице), а также тронном зале — Хрисотриклинии Большого императорского дворца. Регалии власти и парадное облачение использовались императором не только по церковным праздникам, но и в праздники светского характера и при торжественных приемах. Патриарх при этом не выбирал для императора того, что было положено для случая. Выбор регалий и одеяний и самый ритуал облачения были зафиксированы в специальных церемониальных правилах этикета, систематизированных почти одновременно с написанием труда "Об управлении империей" в царском обряднике — "О церемониях византийского двора" (*Const. Porph. De cerem. I, 35*) (DAI. II. P. 65-66).

25 Греч. *υπηρετης* означает "прислужник" и даже "раб". Константин сознательно использует этот термин, чтобы усилить свою аргументацию: он абсолютно не волен нарушить издревле заведенный священный порядок.

26 Престол (алтарь) св. Софии, стоявший в храме при Константине VII, был сооружен во времена Юстиниана I, в период между освящением св. Софии и смертью этого императора, в 536-565 гг. т.е. никак не был связан с Константином I. Данных о том, что на этот престол была перенесена какая-либо надпись, дошедшая от времени Константина Великого, нет. Сохранившиеся же свидетельства о надписи на алтаре св. Софии не имеют никакого отношения к трактуемому сюжету (см.: DAI. II. P. 66).

27 Сознательное преувеличение роли имперского синода (совета архиереев при константинопольском патриархе) и синклита (совета высшей знати при императоре) все с той же целью — внушить "варварам", что император бессилен нарушить священные установления.

28 Имеется в виду император Лев IV, по прозвищу Хазарин (775-780). Прозвище это он получил не потому, что женился на хазарке, а потому, что являлся сыном хазарки, на которой был женат его отец Константин V (741-775). Но и Константин V женился на дочери хазарского хагана по повелению отца — Льва III Исавра (717-741), еще будучи наследником престола, при заключении договора с Хазарским хаганатом в 732 г. Иначе говоря, Константин VII ошибается, и на этот раз его ошибка — не преднамеренный обман: это попросту недостаточная осведомленность в отечественной истории.

29 Константин V (муж хазарки) умер в возрасте около 60 лет, по византийским понятиям — отнюдь не преждевременно. Умер он к тому же не в дворцовой постели после длительной болезни, а во время военного похода против болгар. Лев IV умер действительно молодым, однако его репутация никак не могла в глазах византийцев X в. пострадать от воспоминаний о каком-либо его предосудительном браке. Его жена, афинянка Ирина, сторонница иконопочитания, была в качестве регентши юного Константина VI фактической правительницей империи, в 787 г. она восстановила (как оказалось, временно) иконопочитание, т.е. официально отреклась от политики, столь сурово осуждаемой Константином VII (История Византии. Т. 2. С. 60-64).

30 Первые достаточно определенные свидетельства о клятве коронуемого императора восходят лишь к началу IX в., а не ко времени, последовавшему сразу за правлением Константина V или Льва IV. Даже если признать подлинной клятвой обещания Михаила I

(811-813), о которых сообщает Феофан, то и в этом случае в его "клятве" не говорилось ни слова о том, о чем пишет Константин VII (см.: DAI. II. P. 66).

31 В очередной "фикции", излагаемой Константином, верно лишь то, что в византийской официальной идеологии этого периода (характеризуемого как время безраздельного господства гражданской чиновной бюрократии) одной из высших добродетелей монарха признавалась приверженность к традиционным методам и формам правления, к соблюдению издавна заведенных порядков и, напротив, крайняя осторожность при юридическом оформлении или введении каких-либо "новшеств". Таково и воззрение Константина: о "новшествах" он упоминает и в своем Предисловии.

32 Венчанию императора патриархом придавалось огромное политическое и идеологическое значение, однако этот акт не являлся непременным условием обретения законных прав на власть: коронация могла быть осуществлена духовным лицом и более низкого ранга (см.: DAI. II. P. 66).

33 "Жидкий", или "греческий огонь" — горючая смесь, основу которой составляла природная чистая нефть. Секрет жидкого огня состоял не столько в соотношении входящих в смесь ингредиентов, сколько в технологии и методах ее использования, а именно: в точном определении степени подогрева герметически закрытого котла и в степени давления на поверхность смеси воздуха, нагнетаемого с помощью мехов. В нужный момент кран, запирающий выход из котла в сифон, открывался, к выходному отверстию подносилась лампадка с открытым огнем, и с силой выбрасываемая горючая жидкость, воспламенившись, извергалась на суда или осадные машины врага (*Haldon C., Byrne M. A Possible Solution to the Problem of Greek Fire // BZ. 1977. Bd. 70. S. 91-99*). Применение "греческого огня" в конце VII-XI в. неоднократно приносило византийцам победу, особенно в морских сражениях. Горючая смесь не только испепеляла суда врагов, она горела также на воде, не позволяя спастись вплавь (залить ее можно было лишь уксусом — *Liutpr. Antap. P. 84*). Указанные выше условия применения этого грозного оружия предполагали у "мастеров" дела (см. коммент. 39 к гл. 31) высокую опытность и осторожность, так как находившаяся под давлением смесь была взрывоопасной. Гибель в бою "мастера" у сифона делала бесполезным и все устройство для метания огня, так как обращение с "жидким огнем" требовало длительных навыков. В IX-XI вв. его захватывали в сражениях болгары и арабы, но у них оно не нашло эффективного применения, как это было на имперском флоте. В 941 г. при нападении князя Игоря на Константинополь его флот был уничтожен "греческим огнем", что оставило глубокий след в памяти восточных славян (см.: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. С. 44-45). Вполне резонно предположение авторов лондонского комментария, что именно Русь во время переговоров о мире в 944 г. могла просить у Романа I, а затем, в 945-952 гг., у Константина VII предоставить ей данное оружие (DAI. II. P. 66). Ведь при заключении договора речь шла не только о мире, но и о военном союзе: русские должны были оберегать интересы империи в Крыму, и это давало им моральное право на обладание "греческим огнем". Да и сам Константин пишет о том, что "огонь" "многokrатно просили у нас", т.е. во время уже его единоличного царствования. В последние годы Ф. Коррес, занимаясь проблемой "греческого огня" специально, пришел к выводу, что, во-первых, вопрос еще не нашел удовлетворительного решения и что, во-вторых, действие этого оружия преувеличено крестоносцами в их рассказах о нем на Западе (*Κορρης Φ. 'Ο προβληματιστος γυρω απο το υγρο πυρ των Βυζαντινων // Βυζαντιακα . 1983. Τ. 3. Σ. 123-124. Idem. "Τυρον πυρ". "Ενα οπλο της βυζαντινης ναυτικης τακτικης. Θεσσαλονικη, 1985*). Заметим в связи с этим, что преувеличения в таком случае были сделаны прежде всего в самой византийской хронографии, начиная с Феофана, а не крестоносцами XI-XII вв.

34 Вновь случай явного дипломатического лицемерия, причем ради убедительности отказа передать "жидкий огонь" варварам император не щадит даже памяти родного отца, Льва VI, который специальной новеллой (N 63) повелел ни при каких условиях не

передавать это оружие иноземцам под страхом тяжчайшей кары (*Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Leon VI le Sage. P., 1944. P. 231-233*). Константин VII вновь ссылается на "завет" Константина Великого, а не на указ отца. Этот пример "дипломатической лжи" особенно ярок потому, что в этом же трактате, в гл. 48. 28-32, сам Константин VII сообщает об изобретении "жидкого огня" неким Каллиником из Илиуполя в правление Константина IV (668-685) и об успешном его применении в 674-678 гг. против арабского флота в Мраморном море.

35 Может быть, лишь здесь, при ссылке императора на своих "дедов" и "отцов", можно усмотреть намек на упомянутую новеллу Льва VI. Впрочем, лично Константин вряд ли слушал на этот счет поучение отца (ему было шесть лет, когда тот умер; дед же Василий I скончался за 20 лет до рождения Константина). Под городом, где должен изготавливаться "греческий огонь", имеется в виду, конечно, Константинополь, а под "изготовлением" — скорее всего, отбор нефти нужного качества (высокая степень возгонки) и техника обращения с кратко описанным выше устройством для метания "огня".

36 Сомнительный для византийской доктрины высшей власти в X в. тезис о равенстве императора перед канонами и законом с прочими подданными. В период, когда жил и правил Константин VII, уже господствовала идея, согласно которой василевс сам был "законом" и в его волеизъявлении его ограничивали лишь "страх божий" (т.е. правила христианской этики) и нормы нравственности (см.: *Литаврин Г.Г. Византийское общество. С. 178-180; Советы и рассказы. С. 55-80*). Видимо, эта идея высказана Константином VII все с той же целью усилить аргументированность своего отказа иноземцам передать им "греческий огонь" — мысль, возможно, удачная при подобной дипломатической акции, но опасная в ситуации внутривизантийской нестабильности.

37 Принимаем конъектуру Д. Моравчика (добавление союза καί).

38 Константин имеет в виду происки дьявола.

39 Стратиг — в широком смысле слова военачальник, в узком — наместник, правитель административного округа (фемы — см. коммент. 1 к гл. 27), соединявший в своих руках гражданскую и военную власть (см.: *Советы и рассказы. С. 141-343*), а также комендант отдельного города или крепости (*Glycatzi-Ahrweiler H. Recherches. P. 36-52*).

40 Этот эпизод не известен по другим источникам. Все сказанное выше о дипломатических приемах, рекомендуемых императором в гл. 13, позволяет предполагать, что и данное описание является вымыслом (DAI. II. P. 67).

41 Следующий ниже пассаж пользовался особенно пристальным вниманием исследователей. При этом отмечалось, что, согласно официальной византийской доктрине, вступать в родство через брак представителей молодого поколения императорской династии с членами правящих домов любых иных (даже христианских) держав (в том числе и с Каролингами) означало нарушить один из важных принципов имперского правопорядка. Однако на практике такого рода нарушения были довольно многочисленными, и Константин отмечает далеко не все из них (DAI. II. P. 67).

42 Важное пояснение, какие народы из "северных" имеет в виду Константин VII: это "неверные и нечестивые" народы, т.е. не христианские (см. преамбулу к коммент. к гл. 13).

43 Принимаем конъектуру Ст. Кириакидиса: εἰς("в") вместо ἢ("или").

44 И в данном случае ссылка на Константина Великого фиктивна: Трулльский собор, запретивший браки членов императорской семьи с иноземными правителями, состоялся в 691-692 гг. — через три с половиной века после смерти Константина I.

45 Р. Дженкинз справедливо отмечает, что Константин VII сознательно играет здесь на двойственности значения слова *ἔθνος* — вообще народ, но также народ языческий, нехристианский (DAI, II. P. 68). Позиция императора здесь явно не четка и не корректна: фактически он (за одним исключением, о котором — см. след. коммент.) выступает против заключения браков с иноземцами вообще, вступая в противоречие с решением Трулльского собора, где есть оговорка, что если "иноземец" является правоверным христианином, то брак не возбраняется (DAI. II. P. 68).

46 Исключение для франков в устах Константина VII вполне понятно: его сестра по отцу Анна была замужем за Людовиком Слепым, а его сын Роман II с 944 по 949 г. был женат на Берте-Евдокии, побочной дочери Гуго Арльского (вплоть до ее смерти) (см. преамбулу к коммент. к гл. 26). Пытаясь обосновать свою позицию, император ссылается на то, что Константин Великий "вел род из тех краев", что браки между франками и ромеями были частыми и что род франков благороден и покрыт славой. Однако Константин Великий родился в Нише, т.е. вел род не "из тех краев". Точнее представлено дело в написанной в 949 г. монодии на смерть невесты Константина VII Берты, где указаны подлинные причины франко-византийских династических связей: желание обрести политических и военных союзников в лице западных государей. У Константина VII было три дочери, поэтому вполне вероятно, что он в 945-952 гг. получал неоднократные предложения о вступлении через них в родство с правящими домами "северных варваров", в частности с венгерскими архонтами и с древними росами (Святослав был, кстати говоря, примерно одного возраста с дочерью Константина VII Феодорой).

47 По-видимому, этот мнимый "грех" Льва IV, по мысли Константина VII, был гораздо менее тяжок, чем его вольное обращение с императорскими регалиями: из-за женитьбы на хазарке он оказался "вне страха божия", а за самовольное использование царского венца был немедленно наказан смертью. Как было сказано (см. коммент. 28 к гл. 13), Константин VII ошибается, приписывая брак с хазаркой Льву IV. Знаменательно, однако, что и выше, и здесь автор умалчивает о предварительном (перед выходом замуж) крещении хазарки — жены Константина V. Тот факт, что сам хазарский народ и его хаган не только после этого союза не стали христианами, но и приняли в конце VIII в. иудаизм, мог дать повод к резкому осуждению упомянутой женитьбы, по крайней мере в последующей историографической традиции, которой следует и Константин VII.

48 Константин VII называет здесь наиболее вескую причину враждебности к Льву IV: его приверженность иконоборчеству. После окончательного восстановления иконопочитания в 843 г. память иконоборческих императоров ежегодно предавалась церковной анафеме (DAI. II. P. 68).

49 Снова то же умолчание о крещении хазарки, принявшей имя Ирины, до брака ее с Константином V. Сознательное ли это умолчание, или Константин VII не знал об акте крещения — дилемма, которую мы склонны решать скорее в пользу первого предположения.

50 Далее следует явно враждебный выпад Константина VII против своего тестя Романа I Лакапина (920-944). Сначала регент при малолетнем Константине VII, Роман добился его брака со своей дочерью Еленой в 919 г., через год был коронован как соправитель Константина VII, а в период между 20 мая 921 и 24 декабря 924 г. короновал также своих собственных сыновей Христофора, Стефана и Константина. При этом Христофор получил более высокий ранг, чем законный наследник престола Константин VII, как убедительно показал Г. Острогорский (*Ostrogorsky G. Geschichte. S. 225, Anm. 1*). Константин VII был таким образом оттеснен на третье место и не имел реальной власти вплоть до низложения Лакапинидов. См. Введение.

51 После длительных болгаро-византийских войн при Симеоне и после смерти болгарского царя в 927 г. между преемником Симеона Петром (927-970) и Романом I был заключен мирный договор, скрепленный 8 октября того же года браком Петра и дочери

Христофора Марии, которая (если Христофор был коронован весной 921 г.) вряд ли была "порфирородной". Как здесь, так и в других главах труда, тон Константина при упоминании о болгарях и Болгарии по преимуществу враждебен (см.: *Литаврин Г.Г. Константин Багрянородный*; см. также Введение).

52 Имеет ли Константин в виду начало жизненного пути Романа или его царствования, не ясно. По некоторым данным, Роман Лакапии происходил из армянского рода. Константин VII намекает, видимо, на тот факт, что Роман вырос не в халкидонитской (православной) семье и лишь позднее, перед поступлением на царскую службу, должен был перейти в православие. В Византии X-XI вв. большинство армянского населения и у границ империи, и в ее восточных провинциях исповедовали монофизитство. Выше в этой же главе (DAI. 13.115-116) Константин VII приписывает приверженность особым и чуждым "ромейскому устроению" обычаям как раз иноверцам, нехристианам. Иначе говоря, в подтексте, видимо, прячется мысль, что Роман был вначале монофизитом, т.е. еретиком. Такое толкование представляется нам более оправданным, так как если допустить, что Константин имеет в виду нарушение Романом "ромейских обычаев" лишь в начале его правления, то тогда все иные выпады Константина против тестя теряли бы смысл. Лиудпранд сообщает, что происхождение Романа I было неясным (Liudpr. Antap.P. 84), тогда как род Константина возводился к Константину Великому (Ibid. P. 88). Очевидно, во время посещения Лиутпрандом Константинополя (949 г.) эта легенда была уже широко распространена.

53 Этот пассаж может, по нашему мнению, содержать намек царственного автора на законность принципа наследственности императорской власти, который долго не мог упрочиться в Византии. Именно Македонская династия, к которой принадлежал сам Константин VII, была первой династией, представители которой держали престол в своих руках почти 200 лет (с 867 по 1056 г.). Константин VII проводит здесь мысль, что подлинно царские добродетели могут быть свойственны лишь государю, рожденному и воспитанному в пурпуре, т.е. обретшему права на престол в силу легитимности наследственного принципа власти. Психологически этот акцент под пером Константина VII, учитывая его личную судьбу, вполне понятен.

54 Действительно, заключение мира и брачного союза сопровождалось освобождением значительного числа византийцев, взятых в плен в ходе войн Симеона с империей (см.: *Златарски В. История. Т. I, ч. 1. С. 504 и след.*).

55 Ко времени женитьбы Петра на Марии-Ирине Болгария, принявшая христианство из Византии в 865 г., была уже более 60 лет христианской державой.

56 Перевод данного места вызвал дискуссию: двух ли лиц или одно (и кого именно) имеет в виду автор, говоря: οὐδε αυτοκράτορος καὶ ἐνθεσμοῦ βασιλέως. Г. Острогорский и Э. Штейн видели здесь двух лиц: Романа I (автократор, т.е. самодержец) и Константина VII (законный василевс), поскольку, по их мнению, автократором Константин был лишь в годы 913-920 и 944-959, а Христофор не может быть причислен ни к автократорам, ни к законным василевсам. Р. Дженкинз считает это понимание мало соответствующим греческому тексту и предлагает относить оба термина к одному Константину VII, т.е., по его мысли, царственный автор пишет здесь только о себе, рассматривая Романа I лишь как узурпатора (DAI. II. P. 68). Мы считаем такое толкование не совсем точным. Константин действительно мог понимать под "самодержцем и законным василевсом" именно себя, из чего, однако, совсем не вытекает с непреложностью, будто он здесь дал понять, что Роман I в его глазах лишь узурпатор. Во-первых, и здесь (13.147, 149), и неоднократно ниже (32.100, 107; 43.89, 118, 131 etc.) Роман I назван "василевсом". Во-вторых, не мог же Константин VII, считая Романа I узурпатором, именовать его сына Христофора "третьим", разумеется, василевсом (13.162-163). Константин действительно мог не иметь в виду Романа I вообще, так как ему было важно подчеркнуть, что выданная за Петра внучка Романа — не "порфирородная" принцесса, а дочь фактически

не имевшего власти Христофора. Некорректность автора проявилась здесь, по нашему мнению, в том, что он, видимо, считает себя подлинным автократом и для периода между 920 и 944 г., хотя автократом мог быть в любой момент лишь один из василевсов и им был в это время, несомненно, Роман I. Кроме того, ничто как будто не подкрепляет его утверждения, что Христофор (до его смерти в 931 г.) занимал именно "третье" место после Романа I и Константина VII. Скорее всего, именно сам Константин VII был оттеснен на третье место (см. коммент. 50 к гл. 13 и Введение). Лиудпранд определенно утверждает, что Роман I ставил Христофора выше Константина VII (Liudpr. Antap. P. 91).

57 Р. Дженкинз справедливо отмечает, что избранный Константином VII повод для дискредитации памяти Романа I (брак Марии и Петра) весьма неудачен. Царственный автор не нашел, в сущности, убедительных аргументов для изображения этого брака как яркого случая нарушения правопорядка и канонов и как некоего "новшества" Романа I. Браки членов семьи самого Константина VII с "латинянами" и особенно брак его сына Романа II (правда, несколько лет спустя после написания гл. 13) с Феофано, дочерью харчевника, представляли собой, пожалуй, гораздо большее отступление от византийского ригоризма в этом вопросе, чем устроенный Романом I брак его внучки с "василевсом болгар" Петром (DAI. II. P. 68).

58 Принимаем конъектуру Р. Дженкинза: *ανακρασιν* вместо *ανακρισιν* рукописи.

59 На первый взгляд, сравнение, недостойное учености автора, однако Константин лишь комментирует здесь один из соответствующих канонов Трулльского собора (что волк не сочетается с овцой) (DAI. II. P. 69).

60 Утверждение императора явно не в ладу с действительностью. В полиэтничной и космополитичной империи браки между ее иноплеменными, но православными подданными были явлением заурядным. Сам Константин VII был женат на армянке или, во всяком случае, на полуармянке Елене, дочери Романа I; следовательно, и в жилах его детей текла армянская кровь. Следует, видимо, допустить, что единство "рода", племени и языка, в понимании императора, — это единство подданства, веры и именно греческого языка (языка церкви и государства).

61 Соблюдение справедливости и правопорядка Константин VII связывает также, очевидно, с сохранением и упрочением принципа наследственности высшей власти, исключаящего захват трона узурпаторами, которые поступают дурно по своему невежеству и самомнению (подобно Роману I).

62 Данное место (13.197-200) почти буквально совпадает со строками Предисловия (Prooimion. 19-21). Можно предположить, что до того, как появились эти строки Предисловия, изложенную в них программу иллюстрировали главы 1-13 первого, "дипломатического", раздела. Строки же 19-21 Предисловия, повторенные в конце "дипломатического заключения" к первому разделу (13.197-200), являются указанием на содержание следующего, второго раздела трактата, иначе говоря, абзац со строки 195 (13.195-200) представляет собой, в сущности, незаглавленное введение к этому второму разделу ("О народах").